

С. В. Иванова

Народные предания о Манчары в переводе А. Е. Шапошниковой

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия
E-mail: svl.ivanova@s-vfu.ru

Аннотация. Работа И. Г. Березкина «Манчаары – норуот номоҕор» («Манчары в преданиях народа») основана на материалах, собранных фольклорными экспедициями научных организаций. Народные предания о Манчары относятся к преданиям об исторических лицах, точнее к героическим сказам. Манчары является национальным героем якутского народа, о котором еще при жизни слагалось много народных рассказов и песен о любимом герое. Позднее Манчары стал героем литературных произведений: драмы В. Никифорова – Кулүмнүүр, стихотворений Семена Данилова, С. Р. Кулачикова – Эллэя, Н. Михалевой – Сайа, рассказов Софрона Данилова и др. В настоящее время язык и стиль фольклорных текстов широко изучается, но проблемы перевода текстов народных преданий специально не исследовались. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью разработки переводческих стратегий, которые могли бы применяться при переводе фольклорных текстов на русский язык. Цель статьи – анализ перевода народных преданий о Манчары. Задачи – выявление и анализ приемов сохранения стиля и методов передачи художественного компонента народной прозы переводчиком А. Е. Шапошниковой при переводе на русский язык книги И. Г. Березкина. Основные методы, использованные в исследовании: описательно-аналитический, сравнительно-сопоставительный и метод контекстологического анализа. В статье описаны способы передачи в переводе стилистически маркированной лексики – высокой лексики (лексические элементы «героического», устно-поэтическая лексика), разговорной и стилистически сниженной лексики (просторечные / бранные слова), использование переводчиком старославянской лексики и архаизмов; типичных для текстов русского фольклора слов и выражений. Рассмотрены способы перевода а) выразительных средств: пословиц, фразеологизмов, парных слов; б) композиционных средств: приемы достоверности рассказываемого, приемы, составляющие зачин произведения, ретардация. Доказательством достоверности событий, вошедших в сюжет народных преданий, служат песни героев сказаний. При переводе сохранена структура периодических конструкций текста песен, также для передачи темпа якутской народной музыки использованы нетипичные в русском языке парные слова в сочетании с типичной лексикой русских народных песен. При переводе народных преданий о Манчары А. Е. Шапошниковой сохранены художественно-образительные особенности оригинала: стилистически маркированная лексика, выразительные и композиционные средства, особенности устной речи, индивидуальные стили рассказчиков. Благодаря прекрасному знанию фольклора, истории, этнографии, лингвистики переводчик смог передать этнический колорит уникальных образцов словесного творчества о народном герое якутов Манчары.

Ключевые слова: якутский язык, язык фольклорных текстов, стиль фольклорных текстов, перевод фольклорных текстов, якутско-русский перевод, способы перевода, стилистически маркированная лексика, выразительные средства, композиционные средства, приемы сохранения стиля, методы передачи художественного компонента народной прозы.

ИВАНОВА Саргылана Владимировна – к. филол. н., доцент кафедры стилистики якутского языка и русско-якутского перевода, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: svl.ivanova@s-vfu.ru

IVANOVA Sarhylana Vladimirovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Stylistics of the Yakut Language and Russian-Yakut Translation, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

S. V. Ivanova

Folk legends about Manchary: the case Aelita Shaposhnikova's translation

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

E-mail: svl.ivanova@s-vfu.ru

Abstract. The work of Ivan Georgievich Berezkin «*Manchaary – Noruot Nomoor*» («Manchary in the Legends of the People») is based on materials collected by folklore expeditions of research institutions. Folk legends about Manchary refer to the legends about historical persons, more precisely to heroic tales. Manchary is a national hero of the Yakut people, about whom many folk stories and songs were composed during his lifetime. Later Manchary became the hero of literary works: dramas by Vasily Nikiforov – Kulumnuur, poems by Semyon Danilov, Serafim Kulachikov – Elley, Natalia Mikhaleva – Saya, stories by Sofron Danilov and others. Currently, the language and style of folklore texts have been widely studied, but the issues of translating the texts of folk tales have not been specifically investigated. The relevance of the research topic is due to the need to develop translation strategies that could be used in the translation of folklore texts into Russian. The article deals with the methods of preserving the style and methods of transmitting the artistic component of folk prose by Aelita Shaposhnikova when translating Berezkin's book into Russian. The methods of transmitting stylistically marked vocabulary and high vocabulary (lexical elements of the «heroic», oral-poetic vocabulary), colloquial and stylistically reduced vocabulary (colloquial / swear words) by the translator, the use of Old Church Slavonic vocabulary and archaisms by the translator are described; words and expressions typical for the texts of Russian folklore are considered. Ways of translating a) expressive means: proverbs, phraseologisms, paired words are considered; b) compositional means: the reliability of what is being told, the techniques that make up the beginning of the work, retardation. Proof of the authenticity of the events included in the plot of people's legends are the songs of the heroes of the tales. The structure of the periodic constructions of the lyrics of the songs has been preserved, as well as for the transmission of Yakut folk music and the use of paired words, atypical in the Russian language, and in combination with the typical vocabulary of Russian folk songs. When translating folk legends about Manchary, Shaposhnikova preserved the artistic and pictorial features of the original: stylistically marked vocabulary, expressive and compositional means, features of oral speech, individual styles of narrators. Thanks to the excellent knowledge of folklore, history, ethnography, linguistics, the translator was able to convey the ethnic flavor of the narrators. Thanks to the excellent knowledge of folklore, history, ethnography, linguistics, the translator was able to convey the ethnic flavor of the audience. personal examples of verbal creativity about the folk hero of the Yakuts Manchary.

Keywords: Yakut language, language of folklore texts, style of folklore texts, translation of folklore texts, Yakut-Russian translation, methods of translation, stylistically marked vocabulary, expressive means, compositional means, methods of preserving the style, methods of transmitting the artistic component of folk prose.

Введение

Известный краевед И. Г. Березкин долгие годы собирал фольклорные материалы об историческом прошлом народа саха, в том числе легенды и предания о национальном герое Василии Манчаары. Книга «Манчаары – норуот номоѳор» («Манчары в преданиях народа») вышла в 1972 г. [1]. Работа основана на материалах, собранных фольклорными экспедициями различных научных организаций: Якутского филиала СО РАН СССР, краеведческого музея им. Емельяна Ярославского, кафедры якутского языка и литературы Якутского государственного университета. Материалы экспедиций хранятся в научных архивах России. Книга состоит из 3-х глав: 1 глава «Манчаары тас кѳрүгэ уонна кини олобуун киээнник кѳрдѳрѳр сэһэннэр» – «Внешний облик Манчары и повести с подробным его жизнеописанием», 2 глава «Манчаары Мэнгэ уонна Ханалас улуустарыгар сырыыллара. Хаайыыттан куотууллара» – «Похождения Манчары в Мегинском и Кангаласском улусах.

Побеги Манчары из тюрьмы (перевод автора статьи)», 3 глава «Манчаары Саха сирин атын улууустарыгар сырыылара. Олобун тигэх сыллара» – «Манчары в преданиях других улусов Якутии. Последние годы жизни Манчары (перевод автора статьи)».

В книге собраны 136 повестей, историй, песен, записанных с устных рассказов 95 человек. Под каждым текстом указаны фамилия, имя, отчество и место проживания информатора. Книга состоит из вступительной статьи Н. В. Емельянова «Образ Манчары в якутском фольклоре» [4, с. 3–20], тексты преданий [4, с. 23–340], примечания [4, с. 341–380].

В репертуаре народных преданий о Манчары можно выделить ряд сюжетно-тематических групп, среди них: 1) борьба Манчары против своего родственника Чочо; 2) борьба Манчары против гнета богачей; 3) побеги Манчары из заключений; 4) мечта Манчары о создании семьи (Бэрт Маарыйа, Күөх Кэтириинэ); 5) Манчары как поэт-импровизатор; 6) друзья и помощники Манчары. Отдельную группу представляют тексты песен Манчары. В книге И. Г. Березкина «Манчары в преданиях народа» включены 26 песен Манчары.

Народные предания, по С. В. Проппу, являются определенной и легко выделяемой областью народного творчества. Как пишет С. В. Пропп, рассказы об исторических личностях лучше называть преданиями или историческими преданиями, к которым, например, можно отнести фольклорные сюжеты о Разине, Пугачеве, о Петре 1, о декабристах и т. д. Отдельным пластом преданий являются сказы – рассказы очевидцев, воспоминания современников, истории об интересных встречах или необычных событиях. «(...) такие рассказы не всегда точны; переходя из уст в уста, они обрастают интересными вымышленными деталями, но сущность их все же состоит в передаче действительных фактов. В этом – специфичность этого жанра. (...) Строго говоря, сказы не обладают некоторыми признаками фольклора: они не создают общенародных, широко распространенных вариантов. Они рассказываются очевидцами, иногда пересказываются слушателями с отступлением деталей, но широкого народного хождения не получают» [2].

Народные предания о Манчары относятся к преданиям об исторических лицах, точнее к героическим сказам. Манчары является национальным героем якутского народа, о котором еще при жизни слагались много народных рассказов и песен о любимом герое. Позднее Манчары стал героем литературных произведений: драмы В. Никифорова – Күлүмнүүр, стихотворений Семена Данилова, С. Р. Кулачикова – Эллэя, Н. Михалевой – Сайа, рассказов Софрона Данилова и др.

Отличительной особенностью языка и стиля преданий является то, что предания имеют черты разговорного стиля, иногда просторечия. Как пишет А. А. Ципинов: «в силу основной, утилитарной функции преданий – познавательной, информативной – этот жанр не эстетический, т. е. произведения не преследуют целей художественного порядка» [3, с. 109]. Исследователи народной прозы отмечают, что в произведениях несказочной прозы, в частности преданиях, доминирует информативная функция. Предания с точки зрения сказителей и их слушателей передают «действительные», «реальные факты прошлого». Отсюда – самый главный критерий, предъявляемый ими к повествованиям, – достоверность.

Перевод книги И. Г. Березкина «Манчары в преданиях народа», выполненный А. Е. Шапошниковой, был издан в 1993 г. под названием «Сказы о Манчаары» [4]. В книгу вошли тексты преданий (всего 123) [4, с. 5–313], примечания [4, с. 283].

Как отмечает Ю. В. Лиморенко в статье о художественных приемах и стилистических средствах в переводе фольклорного текста, «собственно переводной фольклорный текст, в отличие от оригинала, своей стилистики не имеет; разница чисто научного (формального) и фольклористического (имеющего художественную функцию) переводов состоит

не в их стиле как таковом, а в подходе к отображению стиля оригинала. (...) В задачи комплексного издания фольклорного текста, несомненно, входит публикация именно такого перевода, полноценного с точки зрения и русского языка, и стилистики оригинала» [5, с. 5]. Переводчик киргизской эпопеи «Манас» на русский язык Н. В. Кидайш-Покровская пишет об особенностях перевода фольклорного произведения: «...перевод, сохраняющий характерные особенности подлинника, должен выполняться в том же стилистическом ключе, что и оригинальный текст, и при этом быть явлением русского языка» [6, с. 129–130].

Переходим к рассмотрению приемов сохранения стиля и методы передачи художественного компонента народной прозы А. Е. Шапошниковой при переводе на русский язык народных преданий о Манчары.

Как пишет Ю. В. Лиморенко, основными художественными приемами, доступными переводчику фольклорного текста являются: маркированная лексика – книжные, диалектные, устаревшие слова, словотворчество, кальки; выразительные возможности синтаксиса при передаче усложненных и эллиптических конструкций, ритмизация поэтического текста [5].

Перевод стилистически маркированной лексики

а) Высокая лексика. Несмотря на то, что язык и стиль преданий имеют черты разговорного стиля, в текстах народных сказаний о Манчары много случаев использования лексики высокого стиля – экспрессивных слов, оборотов, удвоенных, парных, образных слов, синтаксических конструкций – параллелизмов, встречающихся в фольклорных текстах, в частности якутском эпосе – олонхо. А. А. Ципинов пишет о происхождении понятия «героическое» как элемента народных преданий следующее: «Понятно, что содержание этого понятия разное в ту или иную эпоху и что оно меняется наряду с изменением жизни общества, мировоззрения народа и т. д. Т. е. героическое – категория историческая. Поэтому неудивительно, что содержание этого понятия в интересующем нас жанре проистекает во многом из предшествующей эпической традиции» [3, с. 61].

Одним из особенностей жанра исторических преданий является использование повествователями «поэтических приемов из общего фольклорного арсенала», прослеживание в тексте «общих мест» фольклорных произведений [3, с. 75].

В рассматриваемых нами текстах встречаются лексические элементы «героического», принадлежащие к особому функционально-стилистическому слою – лексике высокого стиля: *албан аат, дьоһун сурах* ‘громкое имя, звонкая слава’; *уһун суол, кэтит суол* ‘долгая дорога, широкая дорога’; *сүрэбин сүлүйдүн, быарын манньыйдын, сыалыһар быарын курдук сымнаа, үүс киш тириштин курдук мөлбөй* ‘пусть сердце твое дрогнет, нутро смягчится, как печень налимя, как шкурка соболя’; *үтүө дьүһүн, чин-чабаан тыл, амтаннаах ас* ‘краса писаная, речи звучные, яства вкусные’ и т. д.

При переводе высокой лексики А. Шапошниковой использованы способы дословного перевода, семантического перевода, способ замены, описательный способ и др.

Дословный перевод (калькирование) – слово переводится соответствующими элементами переводящего языка: *Кэнэбэски кэмнэргэ кэнчээри ыччаттар даҕаны кэриэстии көрүөхтэрэ, кэпсэн онгостуохтара. Ол курдук икки омук ааттаахтара, аргыстаһан кэлэн баран, арахсыбыт сирдэрэ диэхтэрэ* [1, с. 70]. ‘Пусть люди грядущих поколений, увидев наши знаки, помянут словом добрым. Пусть скажут – вот оно, то место, где разошлись пути-дорожки славных сынов двух народов’ [4, с. 55-56]. Здесь переводчик, пользуясь способом калькирования *албан ааттаах, дьоһун сурахтаах* ‘знаменитый, достославный’, генерализации *кэнэбэски кэмнэргэ кэнчээри ыччаттар даҕаны кэриэстии көрүөхтэрэ, кэпсэн онгостуохтара*. ‘Пусть люди грядущих поколений, увидев наши знаки, помянут

словом добрым'. Ол курдук икки омук ааттаахтара, аргыстаһан кэлэн баран, арахсыбыт сирдэрэ диэхтэрэ. 'Пусть скажут – вот оно, то место, где разошлись пути-дорожки славных сынов двух народов', а также приемом словотворчества 'пути-дорожки', передает определенную атмосферу фольклорного текста.

Другой пример использования способа калькирования: *Онуоха туран Манчаары доборуттан ыйыпыт: – Дьэ, добоор! Бу биһиги иккиэн даҕаны мунҕа буллараммыт, эрэйгэ эрчиллэммит, кыһалҕаба кыбылламмыт, бачча тухары аргыстаһан сылдьан бараммыт, арахсар күммүт дьэ тирээн, тиийэн кэллэ. Онон эн миэхэ ол албан ааккын, дьоһун сураххын этэн иһитиннэр, оннук ааттаах киһини кытары аргыстаһан сылдьыбытым диэн, кэнники кэриэстии саныы сылдьыам этэ, – диэн [1, с. 70]. 'Процаясь, Манчаары спросил: – Друг мой! Долгий, полный опасностей и трудностей путь мы с тобой прошли. Пришел срок расстаться, может, и навек. Назови же мне свое славное имя, расскажи, кто ты есть, чтобы мог я потом вспоминать тебя' [4, с. 56].*

Семантический перевод, при котором смысл понятия передается другими словами: *сүрэбин сүлүүдүн, быарын манньыйдын, сылаһар быарын курдук сымнаа, үүс киис тириитин курдук мөлбөй 'нусть сердце твоё дрогнет, нутро смягчится, как печень налимыя, как шкурка соболя'.* В этом примере глагол *сүлүй* (смягчится (досл. пер.) (диалект) переведен глаголом *дрогнет*, фразеологизм *быарын манньыйдын* (в значении 'растрогаться') переведен словосочетанием *нутро смягчится*.

Перевод способом замены, при котором используются близкие по смыслу слова: *икки атахтааҕы үрүҥ тыынын өлөрөгө үлүһүйбэт, сылаас тыынын быһарга сытыырхайбат, урдук танараҕа айыыны саныыр, бар дьонно аатын харыстанар, үчүгэй сүрэхтээх, ыраас санаалаах киһи диһллэр 'сказывают, что ты не убийца и не душегуб, что не хочешь быть грешным перед богом, бережешь свою честь перед людьми; говорят еще, что сердце у тебя доброе, а совесть чистая'.* Здесь синтаксический параллелизм '*икки атахтааҕы үрүҥ тыынын өлөрөгө үлүһүйбэт, сылаас тыынын быһарга сытыырхайбат*' заменен близкими по смыслу словами '*не убийца и не душегуб*'.

Наблюдается семантический перевод синтаксических параллелизмов простым предложением, но сокращенно передающим смысл высказывания: *өһүөннээх өйү өйдөнөн, хатан санааны сананан, ыар ыалдьыт, нүһэр хоноһо буола аат ааттаан кэл* – Здесь четырехчленный параллелизм переведен сокращенно, приблизительно, но с передачей содержания предложения: '*Затаил обиду и нарочно приехал, чтобы расчитаться*'.

Или: *Баламат баай, дохсун тойон сорумматах суола, санамматах санаата.* В этом предложении синтаксический ряд '*сорумматах суол, санамматах санаа*' переведен одним предложением '*не додумывался*': *Не додумывался ни один из дерзких богатеев и могущественных тойонов.*

Синтаксический параллелизм является особенностью синтаксиса якутского эпоса – олонхо. При переводе таких конструкций переводчиком использован в основном сокращенный приблизительный перевод, соответствующий синтаксису переводящего языка.

б) *Использование переводчиком старославянской лексики и архаизмов.* В переводе сказов употреблены слова русской разговорной лексики для воссоздания национально-исторической специфики эпохи сказов о Манчары. Например: *А коль не доживу и помру без отмщения, пусть дух мой, пролетая, проплачет мой привет тебе. «Я прощаю тебя на сей раз, потому как попался ты на воровстве впервые. Но гляди, если украдешь вторично, спуску не будет. Немедля проваливай отсюда и никогда больше у нас не появляйся!» [4, с. 53]. Завтра, по слухам, нас закуют по рукам и ногам в железные кандалы и отпра-*

вят на морской остров, на настоящую каторгу. Потому бежать надо только сегодня [4, с. 55]. Слыхал, приятель, что Манчары снова из тюрьмы убежал? Говорят, он в этих местах? Использование типичных для текстов русского фольклора старославянской лексики и архаизмов ‘коль’, ‘сей раз’, ‘отмщения’, ‘немедля’, ‘слыхал’ и др., облегчает восприятие переводного текста.

в) Использование переводчиком типичных для текстов русского фольклора слов и выражений, приемов: *Жил некогда довольно бедный человек по имени Федор Быттаны (Куосаны) – младший брат богача Чочо. От последнего брака он имел единственного сына. Родился мальчик под осень, когда на лугах выросла отава и по берегам озер стала поспевать осока, по этим приметам его сперва назвали Кэнчэри (отава), затем Манчары, и лишь после крещения он получил имя Василий* [4, с. 171]. *Как-то раз пошел Манчары в тайгу пострелять зайцев и нечаянно наткнулся на седовласого старца по имени Топ Сутурук, известного в Догдого вора, который жарил на рожне мясо забитой им трехтравой нетели из стада Чочо... Сидит старик и кромсает тушу ножом с длинным, в пядь и два пальца, лезвием, выкованным из стали и снабженным желобком для стока крови, крепко держа его за ручку из кости, богато украшенной резьбой* [4, с. 172]. *И пошла тогда гулять его разбойничья слава: начал он скрываться, жить в бедняцких хлевах, строит в тайге убежища, попадать в остроги, убежать, грабить, насиловать, избивать богачей-мироедов, находить себе друзей и сообщников, увозить байское добро выюками, одаривая и порой обогащая бедняков* [4, с. 173]. *Трижды его ссылали на каторгу, и трижды он сбегал, и лишь потом, под старость, он попросился на поселение в Вилюйский округ, стал наследным князем* [4, с. 173]. *Сбежал как-то Манчары с каторги. Нелегкий путь через чужедальние леса и доли проделал он, чтобы вернуться на родину и убить во что бы то ни стало своего богатого родственника Чочо, тяжело оскорбившего и унизившего его* [4, с. 175]. Здесь также использованы типичные для текстов фольклора приемы, составляющие зачин произведения (*жил некогда, как-то раз* и т.д.), инверсия (*сидит старик, родился мальчик* и т. д.).

В переводе сниженной лексики отмечаем следующее:

а) *Разговорная и стилистически сниженная лексика (просторечные / бранные слова)*

В текстах фольклорных произведений отдельным пластом выделяется эмоционально-экспрессивная, эмоционально-оценочная, окказиональная лексика. В книге «Манчары норуот номоѳор» лексика сниженного стиля используется для передачи социальной и психологической характеристики персонажей, эмоционального состояния, отношения к адресату. Как отмечается, перевод стилистически маркированной лексики вызывает некоторые трудности, так как имеет свою национальную специфичность, эмоциональную насыщенность и семантическое богатство.

Для передачи значений слов сниженной лексики в рассматриваемых текстах используются следующие способы:

1) Значение эмоционально-оценочной лексики передается словом с соответствующим значением, способом семантического калькирования: *Бу оттоку оронно ханнык уол кишрэн дьохтонон олороруй? ... Эккэй, хара ыт! (С. 20) ‘Это что за мальчишка развалился на среднем ороне?! Вот черный пес!’* [4, с. 10]. Глагол *дьохтон* со значением усаживаться основательно, облюбовав удобное место в Большом толковом словаре якутского языка (далее – БТСЯЯ) имеет помету «разговорное», выражение *хара ыт* (досл. черная собака) дается с пометкой «бранное» [7, с. 591].

Также в Большом толковом словаре русского языка (далее – БТС РЯ) глагол *развалился* имеет помету «разговорное», существительное *пес* – «разговорное, бранное» [8].

Как видим, перевод на русский язык передает стилистические характеристики выражений *дьохтон*, *хара ыт*, сохраняется эмотивный смысл (сема «презирание»).

Далее приведем примеры перевода эмоционально-оценочной лексики словами с соответствующими значениями, способом передачи слов их прямыми лексическими значениями: *Эн, түөкун! Уора, ыалы халыы бараргар син хаамарын буолуо, сыылкаттан күүрүүгэр маннаабар буолуох сүүһүнэн көс сири син хааман кэлбитин буолуо. 'Варнак! Небось, когда воровал и грабил, ноги держали тебя, а когда со сыылки убежал – небось, не одну сотню кес пешком отмахал'* [4, с. 43]. *Көр, бу ыт үрдэбин истинг эрэ, от бу баар!* [1, с. 28]. *'Слышали, как лает этот щенок? Сейчас ты у меня получишь сена'* [4, с. 10]. *Эн туох маннык, туох да сыаната суох дьүлэй кун, аар акаары буолан бараннгын, тобо чачыына буолан тарайа сылдьар эрэйдээххиний?* [1, с. 59]. *'Как это тебя, такого бестолкового и безжалостного дурака, могли назначить старшиной?'* [4, с. 43].

2) Значение эмоционально-оценочной, экспрессивной лексики передается описательным способом: *Ону кулуба эмээхсинэ хоннобун анныгар кириэх курдук өрө-сала көтөн кэпсэтэ сылдьан (...)* [1, с. 262]. *'Старуха, увидев его кисет, обомлела и, расточая ласковые речи, чуть за пазуху к нему не залезла (...)* [4, с. 257]. *Манчаары Өлтөк баайа сэттэ уоллаах Тангараһыт Мэхээлэ Куобаранка, Үрэх тамаба диэн сиргэ күүнээн-тиргийтээн олордобуна, «ыалдьыт» буолан сылдьаары, ыадастан тийбит* [1, с. 263]. *'Однажды Манчары нагрязнул «в гости» к ольтекскому богатею Михаилу Говорову – Тангарасыту, что жил в свое удовольствие в урочище Юрях Тамага'* [4, с. 258]. *Биир сайын, күндүл күн күүрүлэс куйааны түһэрэ турдабына, Манчаары Баһылай собурууттан күрээн кэлбит үһү диэн дьон-сэргэ ортотугар сурах тарбаммыт* [1, с. 266]. *'В одно знойное лето, когда стояли ясные, погожие дни, прошел слух, что Манчары снова сбежал из далекой южной тюрьмы'* [4, с. 262].

Как видно из примеров в произведении для архаизмов, диалектизмов, эмоционально-окрашенной лексики, изобразительных слов, лексики сниженного стиля переводчица А. Е. Шапошникова сумела подобрать эквивалентные способы передачи их семантики.

Перевод выразительных средств

а) *Фразеологизмы*. А. В. Кунин выделяет два способа перевода фразеологизмов: 1) фразеологический перевод, когда применяются устойчивые единицы различной степени близости между соответствующими единицами (...) языков (метод фразеологического эквивалента и метод фразеологического аналога); 2) нефразеологический перевод (свободный, описательный): лексический перевод и дословный перевод (калькирование) [9, с. 183].

Перевод фразеологизмов в рассматриваемом материале выполнен методом фразеологического эквивалента, в котором применяются устойчивые единицы различной степени близости между соответствующими единицами двух языков (от абсолютного эквивалента до приблизительного соответствия) [10, с. 10]: *Уонна хайдах эрэ, икки атахтаах эндиэтэ суох буолбатын быһыытынан, сыһа-халты сылдьан кэбиһэнгин, бу маннык эрэйгэ сырыттабын буолуо* [1, с. 65]. *'Людей без недостатков не бывает. Так и ты терпишь муки и лишения из-за того, что нечаянно сбился с верного пути'* [4, с. 50]. *Хата, онтукам баара сымыттаабар бүтэй, балыктаабар кэлэбэй, оттообор намыһах киһи эбиккин дуу?!* [1, с. 69]. *'Неужели ты немее рыбы, тише воды да ниже травы?!'* [4, с. 55]. *Хайа, бу кимнээх кэлэннит, бачча уолуккутунан тыынан, киһи тахсыар тийбэккэ ааны хайыта сыстыгыт?* [1, с. 283]. *'Кто ломится в дверь, кому там неймется – разве нельзя подождать, пока я выйду?'* [4, с. 281]. *Биир эмит ырыаны ыллаан бизэрэммин көхсүбүн*

бярбын дьэнкэрдихэ этим [1, с. 212]. ‘Возможно спел бы песню умиллил бы свое сердце и утешил душу’ [4, с. 257].

б) *Пословицы*: при переводе пословиц из текстов народных преданий о Манчары используются следующие способы:

1) Описательный способ перевода. Значение пословицы передается описательным способом: *Биэрэрин бэскэ ыйаабыт кэччэгэй баай* [1, с. 231]. ‘Скупой богач, который напрочь забыл, что значит помогать ближнему’ [4, с. 252]. *Ол омук аналлара биһиэхэ олоруохтара дуо!* [1, с. 262]. ‘Разве останутся они с нами?! Девичья доля на чужбине жить!’ [4, с. 258]. *Сүһүөхтээх бүдүрүйбэт, тыллаах кэлэбүйдээбэт буолбат* [1, с. 260]. ‘Нету существа, которое бы не спотыкалось, нет и человека, который ни разу б не заикнулся’ [4, с. 255].

2) Семантический способ перевода. Использование слов с соответствующими значениями: *Өс хоһооно кизгэллээх, саҥа дорҕоонноох дишлэринии* [1, с. 260]. ‘Пословица не без присказки, язык не без прикрас’ [4, с. 255]. *Обом Манчаары Баһылай, суохтаабы халаабыт, аттаахтан кымньытын, сатыыттан тайабын былдыаабыт сурабын суоҕа* [1, с. 291]. ‘Манчары, дитя мое, отродясь не слыхал я раньше, что ты обираешь нищих, отнимаешь у конного плетку, забираешь у пешего посох’ [4, с. 289–290]. *Мин төһө да Манчаары түөкүн диэн аатырбытым иһин, изгэйэр икки атахтаабы, иннинэн сирэйдээби өлөрбөккө, кыа хаанын тохпокко, чэгиэн этин сэймэктээбэккэ сылдьан бу күн сириттэн арахсар санаалаах сылдыабын* [1, с. 292]. ‘Хоть и слышу я отпетым злодеем, а всю жизнь некса только об одном – как бы не убить ненароком хоть одного двуногого, не пролить невинную кровь, не изувечить человека’ [4, с. 291].

в) Парные слова: Перевод парных слов словами с соответствующими значениями: *Манчаары, эмиз дойдутугар кэлэн, аан маннай бэйэтин төрөөбүт-үөскээбит алааһыгар Арыылаахха кэлэн, сытан-олорон, ытаан-сонгоон баран, эмиз, куолутунан, бэйэтин доҕотторугар-атастарыгар саһан, хорҕойон ололбут* [1, с. 71]. ‘Вернувшись на родину, Манчары опять пришел на алас Арылах и, проведя там в тоске и печали не один день, по заведенному обычаю укрывался у многочисленных приятелей’ [4, с. 56]. *Уна оронго олорон Манчаары сизбиттэн араас кизгэллээх, көмүстээх-дьэрэкээннээх сапыйаны таһааран табаах таппыт* [1, с. 262]. ‘Манчары вынул расшитый серебром кисет и закурил’ [4, с. 257]. *Дьэ, бу тиийэн кэллибит көстөр дьүһүнэ үчүгэйинэн күөх окко, күөх мутужчаба холоммут, өйдөөх-санаалаах үтүөтэ Күөх Кэтириинэ сүүрбүт-көппүт, оонньообут-көрүлээбит кэрэ хонуутугар* [1, с. 276]. ‘Видишь какое чудное поле? На нем когда-то девочкой резвилась славная Катерина Кюех, которую народ сравнивал за красоту и обаяние с молодой хвоей’ [4, с. 274].

г) Композиционные средства

В народных преданиях широко используются приемы достоверности рассказываемого следующими клише: «дишлэр» ‘говорят’, «кэпсишлэр» – ‘рассказывают’, сочетанием глагола и частицы үһү / эбит. Такие приемы предваряют повествование, составляя зачин произведения, или встречаются в виде вставок, отступлений в ходе повествования (прием ретардации) [3, с. 112].

Примеры приемов, составляющих зачин произведения и их перевод: *Манчаары Ханалас улуһугар Көлөт Нөөрүктээйитигэр дьаданы кэргэннэ төрөөбүтэ үһү* [1, с. 197]. ‘Утверждают, что Манчары родился в Келете Нерюктяйского наслега Кангаласского улуса, в семье бедняка’ [4, с. 189]. *Уруккута Догдоно нэһилиэгин баайа Дьүккүйэр Баана диэн киһи Бээдэ Кыыһа диэн сиргэ ололбут эбит* [1, с. 190]. ‘Рассказывают, что некогда в местности Бэдэ Кыса жил догдогинский богач Джюккюер’ [4, с. 181]. *Бу Чоочо баай былыр чугастаабы нэһилиэгин сирин-дойдутун олоччу бэйэтэ күүһүнэн, сэн-сэбиргэл*

туттан, бас билэн олоорто үһү [1, с. 183]. ‘Про богача Чочо говорят, что он единовластно правил землями окружающих наслегов, не стесняясь применять силу и даже оружие’ [4, с. 174].

Примеры приема ретардации – вставки, отступления в ходе повествования и их перевод: *Ол күрүүлэр остуолбаларын уот сиэн кэриэппит төрдө уонна отун күлэ тордобурбуттара билингэ диэри сытар дишлэр ээ* [1, с. 183]. ‘Говорят, обугленные столбы городьбы, некогда окружавшей те сенные зароды, до сих пор валяются на земле, а рядом можно найти окаменевшие куски’ [4, с. 172].

Чем ближе во времени и пространстве окажется к самому событию сообщивший о нем, тем достовернее считается рассказ [3, с. 113]. В частности, для подтверждения достоверности повествования в рассказ включаются топонимы, гидронимы, антропонимы, имена собственные: *Былыр, уон ахсыс үйэбэ, Илин Ханалас улууһугар Нөөрүктээйи нэһилиэгэр үөскээн-төрөөн олобууттар ини-бии дьон: Суо Бытык диэн киһи уонна Киһилээн Куохаан диэн* [1, с. 23]. ‘В старину, в восемнадцатом веке, в Нерюктяйском наслеге Восточно-Кангаласского улуса родились два брата: Суо Бытык и Кисилэн Куохан. Если б им пришлось жить в одном месте, то звались бы они родовичами Матарского рода’ [4, с. 5]. *Ол курдук, Дмитриев уонна Степанов сэхэннэринэн, Догдонго нэһилиэгэр Паана Захаров (Дьүккүйэр) диэн баай киһи олобут* [1, с. 31]. ‘По свидетельству Г. Дмитриева и Н. Степанова, в те годы в наслеге Догдого жил богачей Захаров Пана /Джюккюер/’ [4, с. 14].

При переводе топонимов, гидронимов, антропонимов наблюдается использование переводчиком способа транскрипции: Чүүйэ ‘Чюя’, Күтэр Саахтаах ‘Кютэр Сахтах’, Далла Күрүү ‘Далла Керюе’, Үс Көлүэ ‘Юс Келюйэ’, Моҕотой Аартыга ‘Моготой Артыга’, Ураанайдаах ‘Уранайдах’, Хатыннаах ‘Хатыннах’, Арыылаах алаас ‘алас Арылах’, Хара Сыһыы ‘Хара Сысы’, Ат Хайыбыт ‘Ат Хайбыт’, Хоһуун ‘Хосун’, Мэлдээхси ‘Мельжэхси’, Аранастаах сайылык ‘сайылык Аранастах’, Хатыннаах Халдыаайы ‘холм Хатыннах Халджайы’, Ат Хайыбыт ‘урочище Ат Хайбыт’, Бэдэ кыһа алаас ‘алас Бэдэ Кыса’ и т. д.

Перевод имен собственных также произведен способом транскрипции: Дьүккүөр Баана баай ‘богач Джюккюер Баана’, Чоочо ‘Чочо’, Киһилээн Куохан ‘Кисилэн Куохан’, Быттаны ‘Быттаны’, Кэнчээри ‘Кэнчэри’, Дьөгүүр Оҕо ‘Егор Ого’, Кыыс Маайа ‘Кыс Майя’, Кыһыл Кыыс ‘Кысыл Кыс’, Чэнкэ Настаа ‘Настасья Ченке’, Моонньоҕон ‘Моннегон’ и т. д. Имена собственные божеств, духов переведены также способом транскрипции: ‘богиня-хозяйка земли Ниджир Бай Хотун’, ‘дух-покровитель пастбищ Толон Бай Тойон’, ‘Юрюнг Кюскэс – владелец пугливых белых коров’, ‘госпожа узорчато-пестрых коров Сабыйа Бай Хозяйка’, ‘госпожа Эбириэччин Бай – покровительница бахрамчато-пестрых коров’, ‘госпожа Керюе Бай – хранительница рыжеполосатых коров’, ‘господин Анды Кунай Повелитель белобокых коров’, ‘Покровитель пастбищ господин Толон Бай’.

Некоторые собственные имена переведены способом транслитерации, то есть использован прием воссоздания исходной лексической единицы с помощью фонем переводящего языка. Например, Суо Бытык, Мария Бэрт, Баххах, Додор, Боллос и т. д.

Перевод песен Манчары

Доказательством достоверности событий вошедших в сюжет народных преданий служат песни героев сказаний. Если о событии или герое существует не только предание, но и песня – это лишнее доказательство подлинности рассказываемого [3, с. 114]. Как мы отметили ранее, в книге И. Г. Березкина «Манчары в преданиях народа» включены 26 песен Манчары, которые бережно сохранены народными певцами. Исследователями отмечено,

что Манчары являлся талантливым поэтом-импровизатором и олонхосутом. Основными темами его песен, включенных в данную книгу, являются – любовь к Родине, ненависть к богачам, в частности к своему родственнику Чочо, тяжелая судьба.

Как пишет А. М. Гутов: «...песенный текст нередко представляет собой выражение эмоционально-экспрессивной реакции на событие. (...) Данное обстоятельство, как можно бы полагать, должно было благоприятствовать появлению в песне общих мест, формул, характерных для героико-эпических произведений многих народов» [11, с. 64]. Так, песни, по преданиям, были спеты Манчары в основном как прощальные песни перед заключением в тюрьму или как приветственные при возвращении в родные места: «Манчаары Охотскайтан кэлиитэ» – «Возвращение Манчары из Охотска», «Манчаары бырастыылаһар ырыата» – «Прощальная песня Манчары», «Манчаары тутуллаһан баран иһэн Бүөгүр дьаа-мыгар ыллаабыт ырыата» – «Песня, спетая Манчары на станке Бюегюр по дороге в тюрьму», «Манчаары ырыата (Бэрт Маарыйаҕа тутуллаһан баран ыллаабыт)» – «Песня Манчары (спетая после поимки в доме Марии Бэрт)», «Манчаары ырыата (хаайыттан күрээһэн кэлэн баран Арыылаах диэн төрөөбүт алааһыгар олорон ыллаабыт ырыата)» – «Песнь Манчары (спетая после побега из тюрьмы, сидя в аласе Арылах)», «Манчаары хаайыыга олорон ыллаабыт ырыата» – «Песня, которую сложил Манчары, сидя в тюрьме» – «Песня, которую Манчары сложил, плывя на плоту по реке Лена».

Любовь Манчары к родному краю, природе сложена в песнях, созданных в форме традиционной народной поэзии якутов. Например:

*Кэтөбөлөрдөөх тыалардаах,
Көмнөхтөөх тииттэрдээх,
Күөх унаар хонуулаах,
Көлүкэчээн күөллэрдээх,
Көлөттүүрэ эбэкэм!*

*Как в Келете-бабушке моей
Леса устланы ковром-хвоей,
Да в снега укутаны зимой;
Нет лугов просторней наших,
И озер прекрасней нет!*

[1, с. 121] [4, с. 107]

В этом отрывке использованы повторы слов, образованных добавлением аффиксов множественного числа *-лөр, -лар, -тэр*, аффиксов имени прилагательного *-дөөх, -даах, -төөх, -дээх, -лаах, -дээх*, вставление лишних слогов *-чээн, -түүрэ (көлүкэчээн, Көлөттүүрэ)*, тем самым достигается особенный ритм якутской песни – тойкук.

В переводе использован способ словотворчества: имя собственное *Көлөттүүрэ* + эффемизм *эбэкэм* (досл. бабушка Келет) переведен образованием нетипичных в русском языке парными словами *Келет-бабушка*, а параллелизм *Кэтөбөлөрдөөх тыалардаах, Көмнөхтөөх тииттэрдээх* переведен также парными словами «*ковер-хвоя*». Использование при переводе таких парных слов в сочетании с типичной лексикой русских народных песен: местоимением «*как*», частицей «*да*», повтором слов «*нет*» передает темп якутской народной музыки.

В народных преданиях рассказывается о неисполненной мечте Манчары о создании семьи с любимой женщиной. Об этом отметил в предисловии книги И. Березкина Н. В. Емельянов [1, с. 13]. Распространенными в народе и художественно оформленными преданиями являются сказы о встрече Манчары с красавицей Марии Бэрт. Во всех вариантах этих сказов кульминационным моментом является песня Манчары, посвященная Марии Бэрт. Песни различаются по содержанию, так в некоторых песнях Манчары сетует о своей тяжелой судьбе, а в некоторых песнях упрекает женщину за донос, но как отмечает Н. В. Емельянов, он надеется на лучшее будущее [1, с. 14]. Рассмотрим перевод одного варианта песни Манчары, посвященной Марии Бэрт:

Дьэ-буо!
 Син мин даҕаны
 Сир-ийэ симэһинэ этим,
 Күн-хаан кинитэ этим,
 Иэйиэхсит хотун оҕото этим,
 Айыыһыт хотун аймаҕа этим!
 Дьэ миигиттэн,
 Сидьинг өлүү курдук, сиргэнимэн,
 Сотуун өлүү курдук куттаныман!
 Бэрт Маарыйа барахсан,
 Бэрт аатын
 Биэс улууска тэнийдэ,
 Албан аатын
 Аҕыс улууска тарҕанна.
 Ону көрөөрү, оҕо киһи
 Обуннаахтык сананан
 Ойон тиийэн кэлбитим –
 Ыалдьартан илии арахпат,
 Кэрэттэн харах арахпат.
 Өлөрө-өһөрө кэлбэтэҕим –
 Өтүүгүн өһүлтэрэн өрүһүй,
 Былдыы-халыы кэлбэтэҕим –
 Быаҕын сүөрдэрэн быһаа!

Джэ-буо!
 Доводилось и мне
 Быть соком земли-матушки,
 Быть сыном солнца-батюшки,
 Быть чадом почтенной госпожи Иэйэхсит,
 Приходиться родней дорогой госпоже Айысыт!
 Не чурайтесь меня
 Нет у меня заразы скверной,
 Нет у меня и язвы сибирской!
 Славная Мария Бэрт,
 Равной тебе
 Нет в пяти улусах,
 Другой достойной такой
 Нет в восьми улусах
 Есть присказка одна
 Рук от раны не отнять,
 Глаз от красоты не оторвать.
 Как узнал я о тебе, тотчас,
 Голову сломя, побежал поглядеть.
 Не хотел я тебя убивать
 Прикажи веревки развязать,
 Не желал я тебя обобрать
 Повели от пут освободить!

[1, с. 177–188] [4, с. 178-179]

Как видно, здесь приведен яркий пример традиционной поэзии якутов, где использованы анафора, аллитерация, устойчивые эпитеты, синтаксический параллелизм. Устойчивые эпитеты переведены способом семантического перевода: *сидьинг өлүү* ‘зараза скверная’, *сотуун өлүү* ‘язва сибирская’, *биэс улуус* ‘пять улусов’, *аҕыс улуус* ‘восемь улусов’. Парные слова переведены также парными словами с соответствующими значениями: *сир-ийэ* ‘земля-матушка’, *күн-хаан* ‘солнце-батюшка’. Добавление украшающих эпитетов переводчиком в именах собственных божеств «почтенная» («почтенная госпожа Иэйэхсит (Иэйиэхсит хотун)»), «дорогая» («дорогая госпожа Айысыт (Айыыһыт хотун)») украшает текст песни. Якутская поговорка «Рук от раны не отнять, Глаз от красоты не оторвать» отмечена предложением в виде примечания переводчика: «Есть присказка одна».

В тексте песни использованы сложные синтаксические конструкции (период, параллелизм синтаксических конструкций), представляющие собой семантико-структурное единство, образованные простым или сложным предложением, характерные для синтаксиса фольклорных поэтических текстов [12]. Периодичные предложения состоят из интонационно противопоставленных частей, так разделяются – *протазис*, характеризующийся повышением, восходящим движением тона, и *аподозис*, характеризующийся понижением, нисходящим движением тона, и, с точки зрения содержания, представляющий вывод или следствие из того, о чем говорилось в протазисе [13].

Перевод предикативного периода простого предложения можно увидеть в следующем отрывке: *Син мин даҕаны Сир-ийэ симэһинэ этим, Күн-хаан кинитэ этим, Иэйиэхсит хотун оҕото этим, Айыыһыт хотун аймаҕа этим!* ‘Доводилось и мне Быть соком земли-матушки, Быть сыном солнца-батюшки, Быть чадом почтенной госпожи Иэйэхсит, Приходиться родней дорогой госпоже Айысыт!’. При переводе сохранена структура данной

периодичной конструкции, которая представляет собой простое предложение, разделенное на две части: протазис – подлежащее, выраженное местоимением 1 лица, ед. числа *мин* с частицей *даваны* переведено сочетанием аналогичного местоимения 1 л., ед.ч. с частицей *и* и глагола *доводилось*, аподозис – четырехчленный параллелизм именных сказуемых, выраженных изафетными сочетаниями с частицей *этим* переведены аналогичными частями речи (*Сир-ийэ симэһинэ* ‘сок земли-матушки’, *Күн-хаан кихитэ* ‘сын солнца-батюшки’, *Иэйиэхсит хотун оҕото этим* ‘чадо почтенной госпожи Иэйэхсит’, *Айыһыт хотун аймаҕа этим* ‘родня дорогой госпоже Айысыт’). В данном примере стремление Манчары к счастливой жизни представлено параллелизмом именных сказуемых, имеющих общую семантику ‘я тоже достоин любви красивой женщины’.

Повторение сказуемых в аподозисе следующей периодической конструкции *сиргэнимэн, куттаныман* усиливает просьбу героя относиться к нему без страха и презрения: *Дьэ ми-игиттэн, Сидьинг өлүү курдук, сиргэнимэн, Сотуун өлүү курдук куттаныман!* ‘Не чурай-тесь меня Нет у меня заразы скверной, Нет у меня и язвы сибирской!’

Так, при переводе на русский язык песен Манчары, включенных в книгу И. Березкина, переводчиком сохранена форма традиционной якутской поэзии с устойчивыми эпитетами, синтаксическими параллелизмами.

Заключение

При переводе стилистически маркированной лексики, использованной в текстах народных преданий о Манчары, можно отметить следующее:

- лексика высокого стиля переведена способами дословного перевода (калькирование), семантического перевода, замены, описания, генерализации, приемом словотворчества, что помогает передать атмосферу фольклорного текста;

- использованы старославянская лексика и архаизмы, типичные для текстов русского фольклора слова, выражения и некоторые приемы для облегчения восприятия переводного текста русскими читателями;

- значение эмоционально-оценочной, экспрессивной лексики передается семантическим и описательным способами перевода;

- при переводе выразительных средств: фразеологизмов, пословиц, парных слов применяются устойчивые единицы различной степени близости между соответствующими единицами двух языков (от абсолютного эквивалента до приблизительного соответствия), использованы описательный, семантический способы;

- композиционные средства: приемы, составляющие зачин произведения – вставки, отступления в ходе повествования (прием ретардации) сохранены максимально;

- при переводе песен Манчары сохранена структура периодических конструкций текста песен, также для передачи темпа якутской народной музыки использованы нетипичные в русском языке парные слова в сочетании с типичной лексикой русских народных песен.

Таким образом, мы приходим к выводу, что народным преданиям о Манчары в основном присущ разговорный стиль повествования с преобладанием простых предложений, но с использованием фольклорных формул, что сближает их с жанрами традиционной якутской эпической культуры.

При переводе народных преданий о Манчары А. Е. Шапошниковой сохранены художественно-изобразительные особенности оригинала: стилистически маркированная лексика (лексики высокого и разговорного стилей), выразительные и композиционные средства, особенности устной речи, индивидуальные стили рассказчиков. Благодаря прекрасному знанию фольклора, истории, этнографии, лингвистики переводчик смог передать этнический колорит уникальных образцов словесного творчества о народном герое якутов Манчары.

Литература

1. Манчаары норуот номоҕор / составитель И. Г. Березкин. – Дьокуускай : Саха сиринээҕи кинигэ изд.-та, 1972. – 382 с.
2. Пропп, С. В. Жанровый состав русского фольклора / С. В. Пропп. – URL: [https:// http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/propp-folklor-idejstvitelnost/zhanrovij-sostav-russkogo-folklor.htm](https://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/propp-folklor-idejstvitelnost/zhanrovij-sostav-russkogo-folklor.htm) (дата обращения 12.12.2022).
3. Ципинов, А. А. Народная историческая проза адыгов / А. А. Ципинов. – Нальчик : Эльпа, 2000. – 155 с.
4. Сказы о Манчары : Предания якутского народа о знаменитом бунтаре и благородном «разбойнике» Манчары, жившем в начале XIX века / составитель И. Г. Березкин ; перевод А. Е. Шапошниковой. – Якутск : Якутское книжное издательство, 1993. – 350 с.
5. Лиморенко, Ю. В. Художественные приемы и стилистические средства в переводе фольклорного текста : к вопросу об эстетической функции перевода / Ю. В. Лиморенко // Сибирский филологический журнал. – 2017. – № 2. – С. 5 – 13.
6. Кидайш-Покровская, Н. В. Перевод тюркоязычных памятников в Академической серии : Фольклор. Издание эпоса / Н. В. Кидайш-Покровская. – Москва : Наука, 1977. – С. 129 – 130.
7. Большой толковый словарь якутского языка. – Новосибирск : Наука, 2017. – 591 с.
8. Кузнецов, С. А. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург, 2006.
9. Кунин, А. В. Фразеология современного английского языка / А. В. Кузина. – Москва : Международные отношения, 1996. – С. 183.
10. Логан, П. Смит. Фразеология английского языка / Логан. П. Смит. – Москва : Просвещение, 1959.
11. Гутов, А. М. Историко-сравнительная поэтика / А. М. Гутов // Героико-исторический эпос народов Северного Кавказа. – Грозный, 1988. – С. 6.
12. Убрятова, Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка. II. Сложное предложение. – [Книга 2-я] / Е. И. Убрятова. – Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1976. – 379 с.
13. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под редакцией М. Н. Кожинной. – Москва : Флинта : Наука, 2003 – 696 с.

References

1. Manchaary noruot nomoҕor / sostavitel' I. G. Berezkin. – D'okuuskaj : Saha sirineeҕi kinige izd.-ta, 1972. – 382 s.
2. Propp, S. V. Zhanrovij sostav russkogo fol'klora / S. V. Propp. – URL: [https:// http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/propp-folklor-idejstvitelnost/zhanrovij-sostav-russkogo-folklor.htm](https://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/propp-folklor-idejstvitelnost/zhanrovij-sostav-russkogo-folklor.htm) (data obrashcheniya 12.12.2022).
3. Cipinov, A. A. Narodnaya istoricheskaya proza adygov / A. A. Cipinov. – Nal'chik : El'pa, 2000. – 155 s.
4. Skazy o Manchary : Predaniya yakutskogo naroda o znamenitom buntare i blagorodnom «razbojnikе» Manchary, zhivshem v nachale XIX veka / sostavitel' I. G. Berezkin ; perevod A. E. SHaposhnikovoj. – YAkutsk : YAkutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1993. – 350 s.
5. Limorenko, YU. V. Hudozhestvennyye priemy i stilicheskie sredstva v perevode fol'klornogo teksta : k voprosu ob esteticheskoj funkcii perevoda / YU. V. Limorenko // Sibirskii filologicheskii zhurnal. – 2017. – № 2. – S. 5 – 13.
6. Kidaish-Pokrovskaya, N. V. Perevod tyurkoyazychnyh pamyatnikov v Akademicheskoi serii : Fol'klor. Izdanie eposa / N. V. Kidajsh-Pokrovskaya. – Moskva : Nauka, 1977. – S. 129 – 130.
7. Bol'shoi tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka. – Novosibirsk : Nauka, 2017. – 591 s.
8. Kuznecov, S. A. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka / S. A. Kuznecov. – Sankt-Peterburg, 2006.
9. Kunin, A. V. Frazeologiya sovremennogo angliiskogo yazyka / A. VU. Kuzina. – Moskva : Mezhdunarodnye otnosheniya, 1996. – S. 183.
10. Logan, P. Smit. Frazeologiya angliiskogo yazyka / Logan. P. Smit. – Moskva : Prosveshchenie, 1959.

11. Gutov, A. M. Istoriko-sravnitel'naya poetika / A. M. Gutov // Geroiko-istoricheskiĭ epos narodov Severnogo Kavkaza. – Groznyj, 1988. – S. 6.
12. Ubryatova, E. I. Issledovaniya po sintaksisu yakutskogo yazyka. II. Slozhnoe predlozhenie. – [Kniga 2-ya] / E. I. Ubryatova. – Novosibirsk : Nauka. Sibirskoe otdelenie, 1976. – 379 s.
13. Stilisticheskiĭ enciklopedicheskiĭ slovar' russkogo yazyka / Pod redakciej M. N. Kozhinoĭ. – Moskva : Flinta : Nauka, 2003 – 696 s.

